

Категориальные и прагматические аспекты речевых актов угрозы и предостережения

Александр Адольфович Арский

доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат филологических наук
Сибирский юридический институт МВД России

Красноярск, Россия

arski7@yandex.ru

 0000-0002-9727-5232

Поступила в редакцию 08.09.2022

Принята 19.10.2022

Опубликована 15.11.2022

 10.25726/f2539-4056-2682-j

Аннотация

В данной статье в русле антропоцентрического исследовательского подхода представлено тезисное рассмотрение некоторых наиболее значимых аспектов коммуникативно-прагматических категорий угрозы и предостережения как элементов макрокатегории воли, образующей одну из основ эгоцентрической семантики. Современное языкознание характеризуется выраженной антропоцентрической направленностью. В рамках данной парадигмы, в частности, проводятся исследования семантических категорий эгоцентрического плана, имеющих прямое отношение к реализации волюнтаривной, долженствующе-предписующей функции языка, характерной, например, для современного официально-делового стиля общения. Примером упомянутого семантического класса языковых выражений являются исследуемые нами «угроза» и «предостережение» – коммуникативные средства подавления, в той или иной степени, воли адресата в целях коррекции его поведения либо постановки его в известность о негативных последствиях уже совершенных им действий. Данные категории являются составной частью одной из основополагающих семантических категорий эгоцентрической направленности – глобальной категории воли, лежащей в основе любого коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова

прагматика, семантика, угроза, предостережение, речевой акт, коммуникация.

Введение

Как и многие другие семантические категории, «угроза» и «предостережение» в рамках реализации совокупности общих дифференциальных признаков могут подразделяться на субкатегории, объединенные своей специфической доминантой, и характеризоваться наличием диффузных зон взаимопроникновения средств языкового воплощения в процессе речевого взаимодействия. Изучение подобных явлений требует учета, по возможности, всего разнообразия в том числе и прагматических значений вербальной и невербальной реализации категорий на базе того или иного языка либо в рамках мультязыкового лингвистического сравнительно-сопоставительного анализа. Используемый в рамках подобных исследований эмпирический материал должен строго дифференцироваться по принадлежности к современному состоянию того или иного языка либо к определенной эпохе его функционирования, поскольку многочисленные исследования лингвистов подтверждают, в частности, перманентность процесса синонимизации и десинонимизации, идентификации и дезидентификации, языковых значений лексических единиц. Помимо этого, проведение исследования в рамках обсуждаемого антропоцентрического подхода требует изучения речевого взаимодействия через призму конкретной ситуационной модели, подверженной влиянию со стороны как языковых, так и внеязыковых факторов. Данное уточнение соответствует психолингвистическому подходу к изучению

коммуникативного взаимодействия, согласно которому речь функционирует в рамках неречевой деятельности и, соответственно, в целях реализации ее целеустановок, выполняя таким образом языковую функцию действия (Теория, 2022). Внешние факторы общения формируют экстралингвистическую реальность, оказывающую непосредственное влияние на выбор тех или иных языковых средств для реализации поставленной цели неречевой деятельности. Такие внеязыковые факторы влияющие на выбор вербальных и невербальных средств воздействия на адресата, с одной стороны, носят объективный характер, а с другой, будучи включенными в акт речевого действия адресанта и пройдя через призму его мировосприятия (в рамках его когнитивных компетенций и приоритетов), оформляются в субъективный образ определенной ситуации (Михайлов, 1986).

Материалы и методы исследования

Таким образом, исследование семантических категорий эгоцентрической направленности предполагает изначальную установку на учет целого ряда факторов, в том числе и экстралингвистического характера: основные и периферийные значения знака, речевые компетенции адресата и адресанта, возможные интерпретации знака участниками коммуникации. В дополнение к этим элементам при изучении речевого взаимодействия необходимо учитывать специфику каналов передачи сообщений, контекстуальные особенности речевой ситуации и возможности языковой системы, используемой коммуникантами (Якобсон, 1985). В этой связи уместным будет упомянуть принятую в теории речевой коммуникации двухуровневую модель речевого взаимодействия, включающую в себя как коммуникативный, так и социологический и уровни. Согласно этой модели, содержанием коммуникативного уровня общения является обмен информацией между адресатом и адресантом. Под информацией здесь понимается транслируемое языковыми средствами в определенных коммуникативных целях определенное содержание, включающее в себя:

- 1) когнитивные понятия и приоритеты;
- 2) эмоциональные эстетические оценки носителей;
- 3) сведения о социальном статусе носителей языка и соответствии либо несоответствии ему выбранных языковых средств речевого воздействия (Киселева, 1978).

При этом адресат и адресант речевого взаимодействия являются участниками своего рода ролевой игры, даже в рамках противостояния, в которой инициатор сообщения формирует и отправляет тем или иным способом сообщение, а объект воздействия интерпретирует, декодирует полученную информацию и принимает решение о реагирующем вербальном или невербальном действии либо бездействии, по крайней мере в текущий момент. В рамках изучения устного речевого взаимодействия исследователю необходимо также обращать внимание на паралингвистические характеристики высказываний: акцентирование тех или иных слов, интонация, скорость речи, ритм, громкость и т.д. Подобные аспекты речи могут кардинально изменить смысл произнесенного высказывания. В частности, если вести речь о важности учета сопровождающих речь экстралингвистических (экстравербальных) средств коммуникации, то немалую роль в коммуникативном взаимодействии в условиях визуального контакта играют мимика и жесты говорящего, в частности: движения рук, пальцев рук, головы; положение тела; издаваемые неязыковые звуки (паузы хезитации, шумы) и т.д. В некоторых случаях мимика и жесты не только сопровождают речь, но даже полностью заменяют собой языковые выражения.

Результаты и обсуждение

Ранее нами уже была отмечена важность учета социальных факторов речевого взаимодействия исследователем процесса вербализации межличностных отношений. При таком подходе адресант и адресат становятся для филолога не просто обезличенными отправителем и получателем сообщения, но носителями определенных социальных ролей с более или менее характерным набором языковых средств, в той или иной степени соответствующих социальному статусу участника коммуникации. Другими словами, отправитель сообщения является своего рода заложником определенных клише, установок, во много предопределяющих выбор им тех или иных стратегий и тактик речевого и неречевого поведения, а также соответствующих языковых средств. В этой связи исследователю важно принимать

во внимание многие социальные характеристики людей, взаимодействующих на уровне речи: гендерная идентичность, соотношение статусов в данной ситуации, возраст, уровень образованности, эмоциональное состояние, взаимоотношения между коммуникантами. Это позволяет выделить множество вариативных типов коммуникативных контекстов, каждому из которых соответствует более или менее определенный набор языковых средств. Причем выбор коммуникативных стратегий и тактик зависит зачастую не только от параметров адресанта речи, но и от комплекса характеристик ее адресата, точнее говоря – от соотношения параметров обеих сторон акта межличностной речевой деятельности. В случае совпадения основных социальных характеристик коммуникантов их социальности можно условно признать совпадающими, эквивалентными (по терминологии Ю.Д. Дешериева (Дешериев, 1977)). Неэквивалентная социальность имеет место в случаях речевого взаимодействия разносоциальных коммуникантов, например: представителя рабочей профессии с преподавателем вуза, мужчины – с женщиной, пожилого человека – с ребенком и т.п. Впрочем, не исключены и случаи смешанной социальности, если упомянутые параметры адресата и адресанта частично совпадают, а частично – расходятся. При этом в случае языкового анализа общения разносоциальных коммуникантов следует различать языковые компетенции (знание языка и правил его употребления) и умения и навыки применения этих знаний непосредственно в рамках речевого взаимодействия. Если брать за основу гипотетическую клишированную ситуацию, и водитель-дальнобойщик, и преподаватель вуза являются носителями одного и того же языка, пусть и, как правило, в разной степени. Эта предпосылка позволяет им более или менее понять друг друга в любой ситуации рассматриваемых нами угрозы или предостережения. Вопрос лишь в соответствии или несоответствии ситуации привычному речевому формату общения адресата и/или адресанта. Более эффективным, как правило, будет речевое поведение человека, действующего в привычных для него условиях. Поэтому, с одной стороны, с точки зрения широты языкового диапазона вербализации конфликтной ситуации, коммуникант, имеющий более высокий уровень речевых компетенций, может предложить исследователю большее разнообразие стратегий и тактик речевого поведения, в том числе и в конфликтных ситуациях с использованием вербализации угрозы и предостережения. Но, с другой стороны, в случае перехода конфликта в открытую фазу на уровне использования ругательств и оскорблений вербальная реализация агрессии в исполнении представителей рабочих профессий при прочих равных ситуативных параметрах будет иметь ощутимое преимущество, если противодействующий ему коммуникант будет придерживаться по умолчанию заданной для него табуированности использования, например, обсценной лексики; если, конечно, он ею вообще владеет в достаточной степени для отражения вербальной агрессивной атаки. В частности, использование инвективов в конфликтной коммуникации направлено на принижение социального статуса оппонента, нанесения ему психологического урона. Данные языковые средства относятся к некодифицированным средствам негативной оценочной семантики, выходящим, зачастую, за рамку литературной нормы. Однако следует отметить, что понятие «нормы» далеко не для всех представителей социума ассоциируется с ее литературной версией: многое зависит от уровня образования говорящего, от принадлежности его определенному социальному слою, от социального положения в этом сообществе. Для одного коммуниканта «нормальной» является речь, изобилующая инвективами, а для другого – речь, максимально соответствующая литературной норме, принятой в кругу образованных людей, отличающихся высоким уровнем речевых компетенций. Поэтому при общении с незнакомым человеком невозможно заранее предположить, будет ли он в конфликтной ситуации при использовании рассматриваемой нами тактики угрозы использовать табуированную лексику. В частности, в их основе общего списка инвективов лежит ограниченное число исходных клишированных конструкций (Жельвис, 1990). Это объясняется стереотипностью реализации отрицательных эмоций в сравнении с положительными. Поэтому распространенный набор наиболее грубых инвективных идиом не отличается особым разнообразием, поскольку, с одной стороны, функционирует, как правило, в условиях необходимости быстрой вербальной реакции при отсутствии времени на подбор слов, а с другой стороны, семиотическая группа людей, активно использующих его на уровне повседневного общения и, по сути, обеспечивающих распространение инвективов, не отличается «богатым» словарным запасом и, соответственно, развитыми речевыми умениями и

навыками, позволяющими выйти им за рамки усвоенной ими клишированной речи (Дридзе, 1972). Подобные языковые элементы зачастую характеризуются, в минимальной степени, когнитивной нагрузкой, и в максимальной – эмоционально-экспрессивным содержанием. Эмоциональная составляющая инвективы может быть настолько яркой, что ее денотативное значение сохраняется лишь в стремлении донести общий смысл высказывания, при этом стиль высказывания характеризует коннотативное значение. Например, человек может именоваться самыми разными эпитетами, содержащими эмоциональную окраску. К ним, в частности, относятся:

- 1) зоонимы;
- 2) антропонимы;
- 3) сравнения с предметами неживой природы.

Упомянутые лексические уничижительные средства сами по себе не являются оценочными, но будучи использованными в таком значении, переносятся в сферу действия, например, антропонимов, и тогда срабатывает принцип подмены денотата. В случае взаимодействия сем зоонимов и антропонимов адресант инвективы имеет в виду не все характеристики какого-то животного, но те, которые в привычном ему социуме имеют определенный оценочный знак в отношении человека. Таким образом, семантическая структура экспрессивно окрашенных наименований представляет собой взаимодействие денотативных, оценочных и эмоциональных компонентов.

Другим важным, на наш взгляд, фактором при исследовании речевого взаимодействия является возможная, в той или иной степени программируемая интерпретация адресатом полученного сообщения, что имеет прямое отношение к изучению прагматики высказываний. Причем необходимость интерпретации полученного сообщения тем выше, чем больше его переменный смысл (прагматический аспект), его преобладание над постоянным значением (семантическим аспектом). В этом случае адекватное понимание адресатом направленного на него, против него речевого воздействия зависит от степени владения этим адресантом конкретной коммуникативной и языковой ситуацией, в которой происходит акт общения. Уместным в данной связи обратиться к понятиям описательно-аналитической лингвистической теории речевых актов Джона Остина (Остин, 1986), согласно которой неотъемлемой частью любого речевого действия являются три акта: локутивный (сообщение), иллокутивный (коммуникативная цель сообщения) и перлокутивный (последствия, эффект, произведенный полученным сообщением). К подобным умозаключениям Дж. Остин пришел в рамках исследования перформативов, обратив внимание на то, что адресант одним высказыванием «Осторожно: злая собака!» одновременно совершает акт говорения и акт воздействия на адресата, и в случае их адекватной интерпретации адресатом получает результат, успешный или неуспешный для адресанта. Здесь однако следует отметить, что для достижения перлокутивного эффекта адресантом могут быть задействованы неэксплицитные формы речевого воздействия, а, допустим, реплики информирующего типа (например, сообщения и суждения), относящиеся к так называемым «слабым типам» иллокутивного акта, не оказывающим прямого воздействия языковыми средствами на адресата, а направленным на первичное осмысление им ситуации, предоставляя ему тем самым определенную свободу действия. Реакция адресата в таком случае будет зависеть от интерпретации им целеустановки полученного сообщения. При этом даже речевые действия информирующего типа могут быть не только направлены, в соответствии с логикой общения, на принятие к сведению декларируемой информации, но и являться скрытыми формами волеизъявления, направленными на определенные действия адресата (Федорова, 1985). Зачастую на базовую иллокутивную силу речевого акта накладывается прагматическое содержание – вторичная иллокутивная сила, правильное понимание которой возможно только при учете всех вышеназванных факторов коммуникативной ситуации. Подобное приращение смысла позволяет совершить один иллокутивный акт посредством другого. Например, вопросительное по цели высказывания предложение «Хотите, чтобы я Вас уволил?!» произносится с иллокутивной силой вопроса, а может подразумевать угрожающее волеизъявление. Таким образом, если языковая структура совпадает с коммуникативной интенцией адресанта, то речь идет о прямом речевом воздействии на адресата, а если не совпадает, – о косвенном. В некоторых случаях имплицитные компоненты смысла высказывания адресат извлекает на основе знаний ситуативных факторов. Учет подобной смысловой

многослойности необходим, в частности, и при изучении волюнтаристического аспекта категорий угрозы и предостережения, поскольку контекстуально обусловленная повелительность, заложенная в их содержание, может выражаться посредством как утвердительных, так и отрицательных или вопросительных предложений: «Упадешь!», «Не упади!», «Хочешь упасть?!». Это как в общеизвестной интерпретации А. Вежбицкой предложения «Пистолет заряжен» (Wierzbicka, 1980): это может быть как предупреждением, так и информированием, в зависимости от иллокутивного намерения. В таком случае высказывания угрожающей или предостерегающей семантики могут являться следствием переноса иллокутивной силы в контекст высказывания, прямое значение которого не содержит вербальных формальных маркеров угрозы или предостережения. Идентификация настоящего смысла высказывания в условиях непосредственного речевого взаимодействия адресата и адресанта требует знания контекста ситуации и учета, например, вышеупомянутых просодических средств: интонации, высоты и тона голоса, громкости, логического ударения и т.д. При этом необходимо отметить, что потребность в сокрытии истинного смысла сообщения может обуславливаться табуированностью ситуации, этическими нормами и т.п., например в случаях с завуалированной угрозой в условиях официально-деловой обстановки. В частности, рассмотрение на синтаксическом уровне проблемы вербальной реализации угрозы на материале немецкого языка было предложено Юрием Марцельевичем Малиновичем (Малинович, 1988): им было уделено особое внимание прагматическому аспекту высказывания как осознанному воздействию и эмоционально-экспрессивному фактору в цепи «эмоция – воля – эффект». Выявляя и систематизируя формальные языковые средства, Ю.М. Малинович в своих трудах выделил коммуникативно-прагматический класс предложений, характеризующихся смысловой доминантой угрозы, и продемонстрировал дихотомию коммуникативно-прагматического смысла предложений угрозы, включающую в себя имплицитное предписание с затемненной прескрипцией и эксплицитное предписание в виде прохибитивных предложений.

Заключение

В заключение отметим, что исследуемые нами аспекты коммуникативно-прагматических категорий, в частности угрозы и предостережения, при всей своей многоаспектности, являются частными проявлениями глобальной категории воли, находящейся в поле исследовательского интереса многих филологов, работающих в рамках психолингвистики, функциональной прагмалингвистики, суггестивной лингвистики и т.д. Однако всех их объединяет включение фактора адресата и адресанта в исследование процесса речевого взаимодействия. Подобный междисциплинарный подход к исследованию волюнтаристического содержания коммуникации должен позволить сформировать представление о волеизъявлении как основополагающей функции языка, являющейся движущей силой его развития.

Список литературы

1. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика (к основам общей теории). М.: Наука, 1977. 383 с.
2. Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности (Опыт использования психолингвистических методик в социологическом исследовании) // Речевое воздействие. Проблемы прикладной лингвистики. М.: Наука, 1972. С.34–63.
3. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1990. 81 с.
4. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Ленинград: Изд-во Университет, 1978. 160 с.
5. Малинович Ю.М. Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы (на материале немецкого языка) // Императив в разноструктурных языках: тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: ЛГПИ, 1988. С. 75–76.
6. Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи. М.: Высшая школа, 1986. 110 с.

7. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-131.
8. Теория речевой деятельности // Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). https://methodological_terms.academic.ru/2034/ТЕОРИЯ_РЕЧЕВОЙ_ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
9. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46.
10. Якобсон Р. Мозг и язык. Полушария головного мозга и языковая структура в свете взаимодействия // Роман Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 270–286.
11. Wierzbicka A. *Lingua Mentalis* (The semantic of natural language). Sydney, 1980. p. 223–229.

To the issue of emotional-expressive component of communicative-pragmatic categories of threat and warning

Alexander A. Arskiy

Associate Professor of Department of Foreign and Russian Languages, Candidate of Philological Sciences
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnoyarsk, Russia
arski7@yandex.ru
 0000-0002-9727-5232

Received 08.09.2022

Accepted 19.10.2022

Published 15.11.2022

 10.25726/f2539-4056-2682-j

Abstract

In this article, in line with the anthropocentric research approach, a thesis consideration of some of the most significant aspects of the communicative-pragmatic categories of threat and warning as elements of the macro-category of will, which forms one of the foundations of egocentric semantics, is presented. Modern linguistics is characterized by a pronounced anthropocentric orientation. Within the framework of this paradigm, in particular, studies of semantic categories of the egocentric plan are carried out, which are directly related to the implementation of the voluntary, due-prescriptive function of language, characteristic, for example, of the modern official-business style of communication. An example of the mentioned semantic class of language expressions are the "threat" and "warning" studied by us – communicative means of suppressing, to one degree or another, the will of the addressee in order to correct his behavior or make him aware of the negative consequences of actions already committed by him. These categories are an integral part of one of the fundamental semantic categories of egocentric orientation – the global category of will underlying any communicative interaction.

Keywords

pragmatics, semantics, threat, warning, speech act, communication.

References

1. Desheriev Ju.D. *Social'naja lingvistika (k osnovam obshhej teorii)*. M.: Nauka, 1977. 383 s.
2. Dridze T.M. *Jazyk informacii i jazyk recipienta kak faktory informirovannosti (Opyt ispol'zovanija psiholingvisticheskikh metodik v sociologicheskom issledovanii) // Rechevoe vozdejstvie. Problemy prikladnoj lingvistiki*. M.: Nauka, 1972. S.34–63.

3. Zhel'vis V.I. Jemotivnyj aspekt rechi. Jaroslavl': Izd-vo JaGPI, 1990. 81 s.
4. Kiseleva L.A. Voprosy teorii rechevogo vozdejstvija. Leningrad: Izd-vo Universitet, 1978. 160 s.
5. Malinovich Ju.M. Klass predlozhenij-zapreshhenij s dominantoj ugrozy (na materiale nemeckogo jazyka) // Imperativ v raznostrukturnyh jazykah: tezisy dokladov konferencii «Funkcional'no-tipologicheskoe napravlenie v grammatike. Povelitel'nost'». L.: LGPI, 1988. S. 75–76.
6. Mihajlov L.M. Grammatika nemeckoj dialogicheskoj rechi. M.: Vysshaja shkola, 1986. 110 s.
7. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov. M.: Progress, 1986. S. 22-131.
8. Teorija rechevoj dejatel'nosti // Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam).
[https://methodological_terms.academic.ru/2034/TEORIJa_RECHeVOJ_DEJaTEL"NOSTI](https://methodological_terms.academic.ru/2034/TEORIJa_RECHeVOJ_DEJaTEL)
9. Fedorova L.L. Tipologija rechevogo vozdejstvija i ego mesto v strukture obshhenija // Voprosy jazykoznanija. 1991. № 6. S. 46.
10. Jakobson R. Mozg i jazyk. Polusharija golovnogogo mozga i jazykovaja struktura v svete vzaimodejstvija // Roman Jakobson. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1985. S. 270–286.
11. Wierzbicka A. Lingua Mentalis (The semantic of natural language). Sydney, 1980. p. 223–229.